

*Посвящается Дэнни, Энди и Натали,
моим Peras de Oro*

Глава 1

г. Гуаякиль, Эквадор

Апрель 1920 года

«**М**еня как пить дать сразу все раскусят с этой маскировкой!»

По лбу скатилась крупная капля пота. Одета я была совсем не по погоде, притом что на улице парило, точно в турецкой бане, где так любят отдыхать мужчины. Корсет, сплющивавший мою и так скромную грудь, явно шел не на пользу самочувствию. Равно как и мужнин жилет, и пиджак, и его галстук-бабочка. Кожа под накладной бородкой зудела. Мне ужасно хотелось почесать под ней лицо, но от малейшего неосторожного движения она могла просто отвалиться. И что еще хуже — очки на мне постоянно запотевали, отчего все вокруг виделось слегка размытым.

«Как я вообще-то замахнулась такое проверить?»

Когда я дошла до конца пирса, по телу пробежала нервная дрожь.

«Успокойся. Ты справишься».

Я попыталась поглубже вдохнуть ртом, но мои сдавленные корсетом легкие, похоже, не способны были вместить достаточно воздуха. Между тем глот-

ка тут же наполнилась рыбной вонью и тянущимся с парохода едким дымом.

«Это же чистое сумасшествие!»

Перед спуском с причала нас поджидала целая толпа. Отдельные люди держали в руках таблички. Кто-то издалека махал рукой моим попутчикам. Я даже представила, как некоторые из них насмешливо тычут в меня пальцем.

«Еще не поздно вернуться на корабль».

Резко развернувшись, я ненароком толкнула в плечо того, кто торопился следом. Из-за шарканья множества ног, гула, выкриков, перебрасывания узлов и сумок я вовремя не заметила энергично проталкивающегося за мной молодого человека. Посторонившись, я его пропустила — и парень тут же со всего маху врезался в пожилую даму, что брела передо мной. Она пронзительно вскрикнула и свалилась на деревянный настил.

— ¡Bruto!¹ — крикнула она ему вслед.

Метнувшись к женщине, я быстро опустила свой багаж и помогла ей подняться на ноги. Ее худенькие костлявые руки казались хрупкими, точно зубочистки.

— С вами все в порядке? — спросила я как можно более низким голосом.

— Кажется, да. — Дама подобрала с пирса шляпку. — Этот человек просто животное какое! Благодарю вас, *caballero*². Есть еще на свете порядочные мужчины.

¹ Грубиян, дикарь (исп.) (здесь и далее примечания переводчика).

² Господин (исп.).

Ирония ситуации вызвала у меня невольную улыбку, и тем не менее ее слова вселили хрупкую надежду, что моя маскировка все же работает. Я уже хотела спросить женщину, не нужно ли ей позвать врача, когда от толпы встречающих к нам, опираясь на трость, приблизилась старушка — древней, наверное, самого Мафусаила¹. В жизни не видела, чтобы на лице у кого-то было столько морщин и старческих пигментных пятен.

— ¡Hija!² — воскликнула она, обращаясь к той самой даме, которой я только что помогла подняться.

— ¡Mamá! — отозвалась моя пожилая попутчица, сердечно обняв мать.

Женщинам, очевидно, много чего требовалось друг другу сказать, и они двинулись вдвоем дальше, не бросив и взгляда в мою сторону.

Если бы сейчас моя мама была со мной и помогла бы мне пережить все то, что на меня свалилось! Но она покинула наш мир еще три года назад.

А теперь и Кристо́баль погиб.

У меня сразу же стеснило горло. Но сейчас-то мне никак нельзя было расклеиться. Ведь я *уже* сюда приехала. И теперь во что бы то ни стало должна была осуществить свой план.

Впереди, за облаком шляп и пальмовыми кронами, возвышалась Мавританская, она же Часовая, башня в желто-белую полоску. Хотя и будучи заметно *уже*,

¹ Один из праотцов человечества, *Мафусаил*, согласно Библейскому преданию, прославился своим долголетием, прожив 969 лет.

² Доченька! (*исп.*)

она сразу напомнила мне башню Торре-дель-Оро у меня на родине, в Севилье, — как будто перед моим взором мелькнул кусочек прежней жизни, дабы уверить меня, что в итоге все непременно будет хорошо.

Так, во всяком случае, утверждал мой мозг. Хотя ноги вешали мне совсем иное. Они словно бы налились свинцом. И неудивительно! В любой момент на меня кто-нибудь мог напасть — причем это мог быть кто угодно. И у меня не было возможности узнать заранее, кто это будет и останусь ли я тогда в живых.

«Возьми-ка себя в руки, Пури. Успокойся».

Я внимательно оглядела незнакомые лица вокруг. Поверенный моего отца наверняка находился где-то среди этих людей, но я и понятия не имела, как он выглядит. Я прижала к себе одной рукой печатную машинку мужа, а другой поволокла тяжелый чемодан с двумя ручками.

К счастью, я сумела раздать на корабле все мои платья, благодаря чему вместо трех чемоданов при мне остался только один. Бредя по пристани, я уже наткнулась на несколько своих нарядов, в которые облачились другие пассажирки. Последний из них — облегающее платье-футляр из розовой тафты, которое мне когда-то сшила мама, — только что растворился впереди, точно пена, в море тонких льняных платьев с пышными юбками.

Над головой с резкими криками пронеслась стая чаек. Я прошла мимо ряда каноэ, пришвартованных вдоль пирса, миновала группку женщин, что прикрывались зонтиками от нещадно палящего солнца. Позади них стоял мужчина в темном костюме, сильно

выделяющемся среди белых пиджаков и шляп, точно черное семечко в миске риса. В руках у него была табличка с моим именем, выведенным витиеватыми черными буквами:

«Мария Пурификасьон де Лафон-и-Толедо»

«Лафон» — от француза-отца, «Толедо» — от матери-испанки.

Я остановилась перед мужчиной с табличкой.

— Чем могу быть полезен, сеньор? — спросил он.

«Сеньор». Еще один знак удачи. Адвокат оказался заметно ниже меня — впрочем, я всегда была чересчур высокой для женщины. Его широкий череп сразу напомнил мне изображения доисторических людей в одной из книг Кристобалья по археологии. У незнакомца были густые брови первобытного человека, почти что сросшиеся над переносицей.

Я кашлянула, рассчитывая тем самым сделать голос поглубже.

— Я — Кристобаль де Бальбоа, муж Марии Пурификасьон. — Когда я говорила медленнее, мне удавалось держаться на самом нижнем голосовом регистре.

— Томас Аквилино, к вашим услугам, — учтиво кивнул он в ответ.

Я не ошиблась. Это был тот самый адвокат, что прислал мне письмо, сообщавшее о смерти моего отца. Аквилино с ожиданием взгляделся куда-то мне за спину.

— А где же ваша супруга? Мне показалось, она хотела приехать лично.

В груди у меня кольнуло резкой болью, и тесный корсет на сей раз совсем был ни при чем. Эта боль

возникала всякий раз, стоило мне вспомнить, что случилось на корабле с Кристобалем. Я всмотрелась в лицо Аквилино, заметив и морщинки у него на лбу, и упрямые уголки сухих губ, и блеск в его глазах. Насколько ему можно доверять?

Я сделала глубокий шумный вдох.

— К сожалению, моя жена скоростижно скончалась на борту «Анд».

Аквилино как будто искренне потрясло услышанное.

— ¡Dios mío santísimo!¹ Что ж такое случилось?

Я немного поколебалась с ответом.

— Подхватила «испанку».

— И что, на корабле не ввели карантин?

— Нет. — Я поставила на землю тяжелый чемодан. — Заболели всего пара-тройка пассажиров. Так что в этом не было необходимости.

Он молча уставился на меня. Понял ли он, что я вру? Я никогда не была человеком лживым и теперь ужасно себя чувствовала оттого, что вынуждена была пойти на обман.

— Какое несчастье, — вымолвил он наконец. — У нас тут ничего об этом не слышали. Примите мои соболезнования, сеньор.

Я кивнула.

— Вы не поможете мне с чемоданом? — сказала я скорее повелительным тоном, а не прося об услуге. Мужчины не просят — мужчины отдадут распоряжения.

¹ Господи наисвятейший! (исп.)

Аквилино ухватил ручку с другого конца чемодана, и вместе мы понесли его на другую сторону улицы. Чемодан был тяжеленным, как дохлый мул, но я не могла допустить, чтобы адвокат заметил, насколько «дон Кристобаль» слаб. К тому времени, как мы дошли до автомобиля, я уже тяжело дышала, а лицо и подмышки были мокрыми от пота. Неудивительно, что мужчины все время потеют!

Наконец Аквилино опустил свой конец чемодана возле блестящего черного «Форда Model T». У себя в городе я мало знала людей, которые имели машину, а уж тем более — иностранной марки. Я даже представить не могла, чтобы в таком месте, которое Кристобаль обычно называл «землями дикарей», мог оказаться столь современный транспорт. Этот Аквилино, надо думать, неплохо зарабатывал адвокатскими услугами, или же он был из тех ушлых господ, что умеют находить дополнительные способы сколачивать себе состояние: некоторые особые одолжения там-сям или возможность приложиться к чужому наследству — как своего рода мзда, если угодно. Или, быть может, он просто сам происходил из зажиточной семьи.

Мне всего пару раз в жизни довелось кататься на автомобиле. В родной моей Севилье я повсюду ходила пешком. Однако когда я ездил в Мадрид выяснить насчет просроченного патента на изобретение моей бабушки — ее потрясающую, уникальную обжарочную машину для какао-бобов, — я ездил в таком же точно авто. Разве что у Аквилино сиденья были мягче. Или, возможно, во мне сейчас сказывалась накопившаяся усталость.